

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-183-202

УДК 639.181

А. В. Черных

Институт гуманитарных исследований

Пермского федерального

исследовательского центра УрО РАН

Пермь, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7670-3912

E-mail: atschernych@yandex.ru

Традиционная культура русских в пространстве и времени: опыт сравнительного сопоставления исходной и переселенческой традиций (идентичность, историческая память и этнокультурные границы)*

АННОТАЦИЯ. В статье на основе полевых экспедиционных материалов рассматриваются особенности становления и функционирования островной русской традиции на Урале, сформированной переселенцами из Среднего Поволжья. В центре анализа — особенности бытования исторических преданий, специфические черты идентичности, а также этнокультурные границы локального сообщества. Рассмотренные в работе примеры показывают, что предания о переселении выступают важным компонентом исторических знаний и идентичности в переселенческих традициях, однако в исходных традициях такого рода события (переселение) фиксируются крайне редко. Формирование острова и этнокультурных границ происходило в рамках сложного состава русского населения, который был представлен переселенцами как с разных территорий, так и различного социального статуса — государственные, удельные, помещичьи крестьяне, представители официального православия и старообрядцы различных согласий. При этом именно в этом районе происходит и активное взаимодействие русских и их этнических соседей — татар, башкир, удмуртов, марийцев. В итоге комплекс причин привел к формированию и сохранению данного острова, формированию устойчивой локальной идентичности: компактность проживания и очерченный ареал расселения, социальный статус и изоляция, историческая память о происхождении, объясняющая существующие особенности языка и культуры, диалектные и этнокультурные особенности, восприятие и выделение «инаковости» соседним русским окружением, что проявилось как в фольклорных нарративах, так и в коллективных прозвищах.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

традиционная культура русских
Урала, исходная и переселенческая
традиции, этнокультурный
остров, идентичность,
этнокультурные границы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Черных А. В.

Традиционная культура русских в пространстве
и времени: опыт сравнительного сопоставления
исходной и переселенческой традиций.
(идентичность, историческая память и
этнокультурные границы). *Этнография*. 2023. 1 (19):
183–202. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-183-202

A. Chernykh

Institute of humanitarian Studies,
Perm Federal Research Center, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences
Perm, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7670-3912
E-mail: atschernych@yandex.ru

Traditional Russian Culture in Space and Time: A Comparison of Original and Migrant Traditions (Identity, Historical Memory, and Ethnocultural Boundaries)

ABSTRACT. Drawing on the materials of field expeditionary studies, the article examines the formation and functioning of insular Russian tradition in the Urals, brought in by settlers from the Middle Volga region. The analysis focuses on circulating historical legends, identities, and ethnocultural boundaries of the local community. Our examples show that resettlement legends are essential to the people's historical knowledge and identity. In contrast, in the original tradition, such an event (the resettlement) is rarely recorded. The formation of the cultural island and ethnocultural boundaries took place vis-à-vis the complex makeup of the Russian population consisting of settlers from different territories and different strata: state, court, and landlord peasants, representatives of official Orthodoxy, and Old Believers. At the same time, the active interaction between Russians and their ethnic neighbors, such as Tatars, Bashkirs, Udmurts, and Mari, took place in this area. As a result, the following factors contributed to the formation and preservation of this cultural island and a stable local identity. They included: residential closeness and delineated settlement area, social status and isolation, historical memory of the people's origin explaining the existing language and culture, dialectal and ethnocultural features, and being "othered" by neighboring Russian communities, which manifested in both folklore narratives and collective nicknames.

KEY WORDS: traditional Russian culture of the Urals, original and migrant traditions, ethnocultural island, identity, ethnocultural boundaries

FOR CITATION: Chernykh A. Traditional Russian Culture in Space and Time: A Comparison of Original and Migrant Traditions (Identity, Historical Memory, and Ethnocultural Boundaries). *Etnografia*. 2023. 1 (19): 183–202. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-183-202

ВВЕДЕНИЕ

Урал как регион, находящийся на стыке двух частей света, часто называют этнокультурным перекрестком Евразии. Это определение показывает не только сложный этнический, социальный и конфессиональный состав его населения, но и динамичные миграционные процессы, мозаичный характер расселения народов Урала, многовековой опыт взаимодействия, многоуровневый характер идентичности народов и этнических групп региона. Изучение судеб отдельных этнических групп Урала в свете их контактов и взаимодействия позволяет выявить важные закономерности миграционных процессов, колонизации, развития языка, этнических культур и межэтнического взаимодействия как в древности, в последние несколько столетий, так и в настоящее время.

Настоящий номер журнала — юбилейный: он посвящен Андрею Владимировичу Головнёву, в научной биографии и исследованиях которого, как и в работах его учеников (Е. В. Переваловой, С. Ю. Белоруссовой, Т. С. Киссер) и других исследователей, раскрываются многие сюжеты истории, традиционной культуры и современных этнокультурных процессов у ненцев, манси, хантов, русских, нагайбаков, немцев и других народов «уральского перекрестка» евразийского континента (Головнёв 1995; 2007; 2008 и др.; Киссер 2019; Перевалова 2019; Белоруссова 2019; Адаев 2007; Голева 2011; Истомин 2015). Среди всего корпуса исследовательских работ А. В. Головнёва для изучения Урала особенно важными представляются несколько статей, опубликованных им в разное время в академическом журнале «Уральский исторический вестник» (Головнёв 2009; 2010; 2011; 2013). Именно в этих работах А. В. Головнёв определяет направления изучения и основные особенности этнокультурной карты Среднего Урала. Этническую специфику Урала автор формулирует в статье «Уральские этнодиалоги», подчеркивая: «На Урале народы расселены не компактно, а мозаично, поэтому судьбы отдельных этнических групп различимы здесь не сами по себе, а в контексте контактов и диалогов. Тем важнее разобраться в сложном уральском этнодиалогическом, сложившемся за столетия в ходе множества миграций, адаптаций и колонизаций» (Головнев 2013: 14). Сложности и многоуровневости идентичности, а также устойчивости и динамике этнокультурного пространства Урала посвящены статьи «Дрейф этничности» и «Этничность и идентичность на Урале» (Головнёв 2009; 2011). Автор отмечает, что Урал представляется удобной площадкой для изучения этничности в ее многообразии и динамике, а важными факторами ее развития выступают пространственность, изменчивость и ситуативность. В этом контексте идентичность русского населения Урала также является сложной мозаичной и динамичной. Несомненно, что высказанные положения могут

быть рассмотрены на разных примерах и подкреплены многочисленными фактами этнографии уральских народов.

В настоящей публикации, ориентируясь на подходы к изучению локальных проявлений идентичности, сложностей «уральского этнодизайна» и мозаичности культур, применяя методы локального исследования и «крупного плана» в антропологии, предложенные А. В. Головнёвым, на одном из примеров постараемся проанализировать формирование и особенности функционирования локальной традиции нескольких русских сел Пермского Прикамья в контексте сложной идентичности на Урале, этнокультурных границ и взаимодействия.

Статья продолжает исследование русских «островных» групп Урала, в ней представлен сравнительный анализ исходных и переселенческих традиций, настоящая работа также является продолжением публикации о сравнительном сопоставлении календарных праздников и обрядов (Черных 2022). Как и в предыдущей статье, основой для исследования стала одна из «островных» традиций русских Урала, включающая деревни Дубовая Гора, Искильда, Сургуч Осинского уезда Пермской губернии (ныне — Куединский район Пермского края), сформировавшаяся в результате миграции середины XIX в. с территории Среднего Поволжья: из села Косяково, деревень Наратлей, Асенякова, сельца Рязанова Свяжского уезда Казанской губернии (ныне — Зеленодольский и Кайбицкий районы Республики Татарстан) (Черных 2022: 137–138).

Следует отметить, что островные традиции, возникшие в результате миграции и изоляции, — не редкость на Урале. Как правило, они сформированы выходцами из южнорусских или среднерусских ареалов в севернорусском окружении. Исследования таких островных традиций Урала активно предпринимаются в последнее время (Лебедева 2013; Черных 2015; Толкачева 2017; Юровская 2019; Песенная традиция 2021). Изучение их дает понимание механизмов и закономерностей функционирования этнокультурных комплексов в пространстве и времени и выявляет факторы, способствующие сохранению или трансформации того или иного явления языка и этнической культуры.

В фокусе настоящего исследования находятся особенности исторической памяти локального сообщества и тексты исторических преданий, особенности идентичности, а также этнокультурные границы изучаемой традиции.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Историческая память и предания играют важную роль в формировании и поддержании локальной идентичности, а часто выступают и базовым компонентом в самоопределении местного сообщества. Этот тезис применим и к изучаемой традиции. Почти при каждом разговоре

с информантами в деревнях Искильда и Дубовая Гора воспроизводились разные варианты исторических преданий о возникновении сел и деревень:

Мы ведь казанские родом, из самой Казани. Деда говорили, что нас помещик на собак поменял. А здесь лес дремучий был. Привезли и высадили народ у самой реки. Стали землю расчищать... Кто расчищал — их именами называли. Гаранин Герасим — он расчищал, Фомин пальник, Тимин пальник — они расчищали. Я уже не застала тех. Иван, Герасим, Кузьма — три поколения здесь... (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Наш род привезенный — барин продал. Прадедушку привезли в 12 лет. Начали строиться. Кто строил — по тому места и называли: Кобякова гора — от Алексея Ивановича Кобякова, Якова гора — Яшуха был... (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Казанские еще называют — старики из Казани приехали в темный лес, расчищали его... (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Мы откуда-то оттуда завезёны. Нас, говорит, какой-то купец на собак нас, раньше, наших-то предков, предков... Это где-то под Казанью. А вот Искильда вот, и вот нашу деревню [Дубовая Гора. — *Прим. авт.*]. Вот так я поняла, говорили вот стары-то люди. Вот наше село — или Синяково, или Козяково, ну где-то под Казанью, где-то под Казанью (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Наш народ казанцы, наш народ, говорили, с Казани (Пермский край, д. Искильда).

Наши приехали из Казанской губернии, помещик их привез, дед вспомнил деревню Аксеняково, говорил, что наши оттуда приехали (Пермский край, д. Искильда).

Сохранились предания о возникновении названия деревни Дубовая Гора, которое также связывают с переселением и возникновением деревни:

А здесь вот по тракту ехать, Горелый Дуб называют, по дороге-те, вот и говорят, и называли деревню Дубовая Гора. Вот из-за этой дороги всё, что она идёт всё в гору, в гору. Вот так и Дубова Гора (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Так у нас эта деревня Дубова Гора и назвалась полностью. [Почему такое название?] Ну, видимо, когда, как я поняла, как они раньше, стары люди, говорили, по их разговору. Что вот там Горелый Дуб у нас называется, вот туда в угор подымасса, там Горелый Дуб называется, место так называется — Горелый Дуб. Видимо, там был дуб, и он там, видимо, сгорел, и вот, видимо, так назвали его, мы так думаем. Что ее так и назвали эту деревню (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Предания, зафиксированные во время экспедиций 1990-х гг. и в 2022 г., показывают устойчивость, они транслируются на протяжении значительного исторического периода. Впервые данное предание, объясняющее происхождение названия деревни, было опубликовано в 1888 г.:

Происхождение д. Дубовой Горы следующее: лет 50 назад помещик Реслейн выселил из Свяжского уезда Казанской губернии 45 семей и поселил их подле принадлежавшей ему д. Искильды Аряжской волости. Прибывшие начали строиться внизу большой горы, покрытой дубом, между которыми особо выдавалось три больших дуба, из них один — горелый. Отсюда и произошло название деревни — Дубовая Гора, но прежде еще говорили: «деревня под горелым дубом» (Гусев 1888).

Анализ данных преданий показывает как сохранение и раскрытие в них реальной исторической информации, верифицируемой документальными источниками, так и фольклоризацию исторических нарративов, что в целом характерно для данного жанра прозаического фольклора. Продажа или обмен на собак в упомянутых текстах, несомненно, является фольклорным мотивом, который встречается в исторических преданиях в разных регионах России (Традиционная культура русских 2021: 55–56).

Несомненно, из памяти стерлись названия всех деревень и особенности переселения, но Казанское Поволжье как историческая родина предков осознается и современным населением Искильды и Дубовой Горы. Предания в данном контексте не только повествуют об исторических событиях, но и являются основой для объяснения несхожести языка и традиций названных деревень среди соседних русских, чем можно объяснить устойчивость и длительное по времени бытование данных нарративов. В соседних селах и деревнях государственных крестьян, основанных преимущественно выходцами из других уездов Пермской губернии, исторические предания и сведения, раскрывающие особенности основания деревень, фиксируются крайне редко. В этих деревнях, жители которых составляют большинство всего русского населения края, данная информация не актуализирована на уровне идентичности и объяснения особенностей, как в случае этнокультурного острова.

Притом что переселение «из-под Казани» и основание деревни стали ключевыми событиями в исторической памяти жителей изучаемых пермских деревень, в исходной традиции это обстоятельство уже полностью забыто. При проведении полевых исследований в исходных селах Республики Татарстан мы целенаправленно расспрашивали, помнят ли их нынешние жители, что крестьяне, населявшие эти деревни ранее, уехали или были переселены на Урал. Положительного ответа на свой вопрос мы не получили нигде. Историческая память и предания в исходных селах привязаны лишь к событиям собственной локальной истории, объясняют происхождение названия села, социальный статус жителей населенного пункта («барскими» или «вольными») были жители той или иной деревни), указывают на место барских усадеб, хранят фамилии и имена владельцев сел и деревень.

Обратим внимание на тот факт, что и в исходной традиции в исторических преданиях также известен фольклорный мотив обмена крестьян на собак, возникающий применительно к деревням помещичьих крестьян, расположенным в дальней округе села Косяково Зеленодольского района Республики Татарстан. Следует отметить, что мотив приобретения крестьян путем обмена на собак, выигрыша или проигрыша в карты, как уже было упомянуто, является частотным для Среднего Поволжья и многократно фиксировался в исторических преданиях в тех деревнях, которые в прошлом относились к помещичьим имениям, и их округе (Традиционная культура русских 2021: 55–56).

В бытовании исторических преданий о переселении прослеживается общая закономерность: они выступают компонентом исторических знаний и идентичности в переселенческих традициях, и очень редко события, связанные с переселением на новые земли, фиксируются в исходных традициях, чаще всего эти события помнятся лишь на уровне отдельных семей или родовых групп. Это подтверждается сравнительными исследованиями и других переселенческих и исходных традиций (Минёнок 2012: 79). При этом устойчивость их бытования в том числе зависит от того, насколько велика их роль в формировании самосознания местного сообщества, каково их значение в объяснении особенностей языка и культуры локальной группы.

РУССКИЙ ОСТРОВ В РУССКОМ ОКРУЖЕНИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ

Исходная традиция в Среднем Поволжье не связана с отдельным ареалом расселения или замкнутым анклавом, она является одной из локальных традиций обширного этнокультурного района с общностью языка и комплексов традиционной культуры.

При переселении на Урал выходцы из Казанской губернии оказались в разнородном этнокультурном окружении. Ближайшими их соседями стали несколько деревень помещичьих крестьян иного владельца, переселенные из Нижегородской и Казанской губерний, а также в значительном большинстве русские крестьяне, выходцы из разных уездов Пермской губернии. В итоге миграционных процессов первой половины XIX в. формируется район сложного состава русского населения, который представлен переселенцами с разных территорий и различного социального статуса — государственные, удельные, помещичьи крестьяне; представители официального православия и старообрядцы различных согласий. При этом именно здесь происходит и активное взаимодействие русских и их этнических соседей — татар, башкир, удмуртов, марийцев.

Выстраивание локальной идентичности основано на нескольких компонентах. Во-первых, на особенностях происхождения. Номинации «казанские», «казанцы», отмеченные в исторических нарративах, выступают не только оттопонимическими названиями, указывающими на место исхода, но и коллективными прозвищами, наряду с бытующими в регионе номинациями «вятские» (о переселенцах из Вятской губернии), «чердаки» (о переселенцах из Чердынского уезда Пермской губернии) и др. (Черных 1998: 39–113).

Во-вторых, статус помещичьих (а затем — бывших помещичьих) крестьян, хотя и был актуален только до первой четверти XX в., до настоящего времени имеет значение: память о нем включена в систему представлений и выступает одним из компонентов идентичности. Номинации «барские», «барщина» используются и при самоопределении, и в качестве коллективного прозвища у соседей. Социальный статус помещичьих крестьян на фоне преобладания крестьян государственных в период формирования группы и выстраивания групповых границ имел существенное значение, так как до начала XX в. это значительно ограничивало контакты, было в том числе причиной отсутствия смешанных браков как распространенного явления между деревнями помещичьих и государственных крестьян. Однако социальные границы, которые были существенны на раннем этапе развития группы, в XX в. уже не играют значительной роли в межгрупповой идентичности. В этот период для окружающего населения основными факторами при формировании этнокультурных границ являются особенности говора жителей изучаемых деревень, проявления этнокультурной специфики.

Маркерами этнокультурных границ также становятся коллективные прозвища. Окружающее население чаще всего выделяет жителей названных деревень и использует для их обозначения коллективное прозвище *шишма*: «В деревнях Вашутина, Покровки, Суюрки называли опять *шишма*. И Дубовой Горы и Искильды тоже» (Пермский край, пос. Куеда). Это прозвище известно также и внутри группы, но не всегда

используется в качестве самоопределения. Этимология коллективного прозвища *шишма* остается не вполне ясной. В народной традиции его связывают с топонимом: «Шишма — это река в Кировской, в Татарии есть река Шишма, вот их оттуда купили» (Пермский край, с. Аряж); объясняют связью с фамилией барина, которому принадлежали крестьяне: «Шишмин барин был, вот и *шишма*» (Пермский край, пос. Куеда). Вряд ли следует связывать происхождение этого слова с тюркским *чишме* ('родник'), нет данных и за оттопонимическое происхождение прозвища. Возможна связь с русским *шиш* (+ *ма* как указание на группу), слово это широко представлено в русских говорах в значении 'черт' (используется также для обозначения других мифологических персонажей) [Словарь 2006: 353–354]. Следует указать также на вероятную связь с этимологией слова *шишмин* ('пухлый, полный'). В пермских говорах *шишма* — большая копна волос [Словарь 2012: 401]. Эти версии кажутся нам наиболее убедительными, так как в этом случае происходит «качественное» противопоставление «чужих», инوубернских переселенцев, старожильческому пермскому населению.

Коллективные прозвища для ближайших соседей — жителей помещичьих деревень — также разграничивали два этнокультурных острова, тут использовались номинации *чувасы* и *похлёбышники*:

У нас Суюрку, Вашутино [соседние деревни помещичьих крестьян] чувасы звали. Разговор у них не нащинской, наш народ казанцы, а те, видно, не то (Пермский край, д. Искильда).

Суюрка, Вашутино, Покровка — их барин проиграл на собаку. Дубовая Гора — из-под Горького. *Галушками* мы их звали, а они нас *похлёбышниками*. Еще их звали *борховишники* [*борховщина* — желудок у скотины. — *Прим. авт.*] (Пермский край, д. Дубовая Гора).

[Суюрку как называли?] *Похлёбышниками*. Разговор у них не наш (Пермский край, д. Дубовая Гора).

В свою очередь жители соседних помещичьих деревень жителей Дубовой Горы и Искильды называли *галушки*, *борховишники*, *лапотники*:

У Дубовой горы, Искильды Галуш барин был, а у нас Вашутин. Мы их *галушками* звали (Пермский край, д. Суюрка).

Нас *лапотниками* звали — в лаптях ходили... (Пермский край, д. Дубовая Гора).

Таким образом, бытование целого ряда коллективных прозвищ также определяет этнокультурные границы локальных традиций. При изучении русских островных традиций Урала следует обратить внимание на то, что выделение острова соседним населением почти всегда связано с бытованием коллективных прозвищ, обозначающих жителей данного острова. Эта особенность прослеживается на разных примерах и является одной из закономерностей формирования локальных идентичностей и этнокультурных границ [Толкачева 2017; Юровская 2019].

Особенности, связанные с сохранением среднерусских черт в культуре, лишь отчасти включались в выстраивание этнокультурных границ. Возможно, на более раннем этапе, в первой половине — середине XX в., когда сохранялись особенности традиционного костюма, праздничного календаря, другие комплексы культуры, они были более актуальны, однако экспедициями последнего времени уже не фиксировались. Соседнее население не выделяет какие-либо черты быта в качестве существенных в восприятии инокультурного окружения. К «видимым», выделяемым этнокультурным чертам названной группы можно отнести лишь планировку деревень Искильда и Дубовая Гора.

Характерной особенностью названных поселений является часто встречающаяся однорядная планировка улиц с расположением жилых построек на одной стороне улицы, а части огородов и некоторых хозяйственных построек — бань, амбаров — на другой, через дорогу. Такая планировка поселений и усадебных комплексов встречается в Среднем Поволжье, она типична и для села Косяково Зеленодольского района Республики Татарстан, исторической родины переселенцев. В то же время она несвойственна сельским поселениям Пермского Прикамья. Такая особенность поселений соседним инокультурным окружением обыгрывается в ряде анекдотов о посещении бань, расположенных напротив дома, через дорогу. Бытование присловий и анекдотов, характерных прежде всего для соседнего населения, можно также рассматривать как универсальную черту в выстраивании этнокультурных границ в региональных и локальных группах (Зеленин 1994: 59–104; Козлова 2021: 50–66).

ДИАЛЕКТНЫЙ ОСТРОВ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ В ОКРУЖЕНИИ СЕВЕРНОРУССКИХ

Компактный ареал проживания, сформированные и устойчивые этнокультурные границы стали основными причинами сохранения диалектных языковых особенностей и становления диалектного острова — русского в русском окружении. Языковые особенности при этом выступают одной из основных границ между изучаемой группой и окружающим населением. Особенности говора проявляются при

любой коммуникации с его носителями и осознаются как самими носителями, так и окружающим населением, черты разговорной речи жителей изучаемых деревень становятся основным маркером инаковости и «чужого» среди окружающего населения и мыслятся как «своя», характерная особенность внутри сообщества. Не ставя задачей лингвистическую характеристику островного говора, укажем лишь на его основные черты, проявляющиеся в сохранении поволжской лексики в сфере материальной и духовной культуры, нехарактерной для других (в том числе и соседних русских говоров Пермского края). Специфичной является также и фонетика: характерное аканье в окружении окающих соседних русских говоров; особый интонационный строй речи.

Именно особенности речи представляются наиболее существенной этнокультурной границей в восприятии соседнего населения.

Вы, наверное, слышали про них. Очень оригинальный народ, и у них... Да, дубогоры, *шишма* мы их еще называем. <...> И вот они, у них своеобразный разговор. Если с ними начинаешь разговаривать, можно просто за живот схватиться, ну, ухохатываются над ними (Пермский край, с. Аряж).

Ну вот этих дубогоров прозывали, ну как прозвище, иностранцами. [А почему так называли?] Ну, вот эти деревни — Покровка, Суюрка, Искильда, Дубовая Гора — они же ведь переселенцы с Центральной России, и причем с разных мест, не с одной области, а с разных. И говор разный. Вот в Искильде, в Дубовой Горе у них говор как у горьковских. Да, это было. Вот когда пойдешь туда вот, придем в соседнюю деревню, начнешь обнимать девчущку: «Ой, цы якый процывной!» (Пермский край, с. Аряж).

О жителях данных деревень шутили соседи: «Сколько языков знаешь? — Два, русский и дубогорский!» (Пермский край. пос. Куеда).

Интересно проследить и взаимодействие с соседним языковым островом — деревнями помещичьих крестьян, также основанными выходцами из Поволжья, но с несколько иных территорий — из Ядринского и Козмодемьянского уездов Казанской губернии и Васильского уезда Нижегородской губернии (Песенная традиция 2021: 4).

Для жителей соседних русских деревень севернорусских говоров часто нет разницы в речи двух этнокультурных островов, всех шести деревень. Сами же жители двух островных диалектных традиций проводят четкие границы и отличия в говоре между названными деревнями:

Суюрка, Покровка, Вашутино — барщина, барин был. А Дубовая Гора — оне к нам не подходят (Пермский край, д. Суюрка).

Дубова Гора, Искильда, Сургуч говорят «покалякам», а мы (Вашутино) — нет (Пермский край, д. Вашутино).

У Суюрки другое наречие (Пермский край, д. Суюрка).

Мы, Суюрка, чаще говорим, а здесь в Дубовой Горе — тверже, а мы мягче (Пермский край, д. Суюрка).

Таким образом, в диалектном отношении мы имеем дело с «внешним» восприятием особенностей речи островных традиций соседним русским населением — носителями севернорусских в своей основе говоров — и с «внутренним», которое более детально отмечает особенности говоров двух соседних этнокультурных островов. Окружающее население, носители севернорусских окающих говоров, для данного региона и Пермского Прикамья в целом является доминирующим большинством, поэтому особенности их речи признаются эталонными и не оцениваются со стороны островной традиции.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

Население изучаемого острова было православным, жители указанных деревень — сторонники официальной православной церкви. Деревни Дубовая Гора и Искильда относились к приходу православной церкви соседнего села Аряж, деревня Сургуч — к церкви Федоровского завода Осинского уезда. Среди населения окружающих деревень было как православное, так и старообрядческое население (различных согласий, преимущественно поморского и часовенного, а также единоверцы) (Черных 2001: 133–158). Сложный конфессиональный состав неизбежно приводил к формированию границ и определял особенности межконфессионального взаимодействия. Как правило, контакты ограничивало прежде всего старообрядческое население — с православными (Черных 2015). Для изучаемого сообщества межконфессиональное взаимодействие не было столь значимо в выстраивании границ, как другие проанализированные выше факторы.

На территории Среднего Поволжья русское православное население также проживает совместно со старообрядческим, так что и здесь выстраивается особый межконфессиональный диалог. Для обозначения старообрядческого населения в Среднем Поволжье, в том числе в исходных деревнях, часто используется номинация *кулугуры*, *калагуры*:

Бишбатман [село в Зеленодольском районе, соседнее село с селом Косяково. — *Прим. авт.*] — оне вольные, там *калагур*ы были и русские. Вот пойдн русский человек, спроси пить — не даст. Разница была. Молились оне по-своему и пели. Русский человек — *калагур* только. У тети сын женился, маленьку взял, она была *калагурка*. Сюда приехали, венчались. Все равно взяли (Республика Татарстан, с. Косяково).

В то же время в пермских деревнях казанских переселенцев этот термин не был зафиксирован, для обозначения старообрядческого населения использовали номинации *старовер*, *староверка*.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Для изучаемого русского острова, помимо взаимодействия с соседним русским населением, были также характерны контакты с иноэтническим окружением, прежде всего с татарами и башкирами. Особенности расселения народов и этнических групп в этом районе имели свою специфику: изучаемые деревни находились на северной границе населенной русскими значительной территории, для которой не было характерно дисперсное расселение русских, татар и башкир. С севера к названным деревням примыкал крупный ареал расселения татар и башкир Тулвинского поречья, возвышенность за селом — Татарская грань — была не только границей земельных владений жителей деревни, но и границей между двумя значительными этническими территориями: русских — с одной стороны, татар и башкир — с другой. Этнокультурные и конфессиональные факторы, административные границы регулировали контакты между народами, в основном отношения строились на основе добрососедства, однако активное взаимодействие не было характерно для данной территории. Межэтническое взаимодействие выражалось в знании традиций соседей, приеме гостей из татарских деревень в случае необходимости остановиться на ночлег, так как деревни были расположены на дороге, соединяющей волостные центры Осинского уезда, однако для сельчан названных деревень нехарактерны участие в праздниках в татарских деревнях, развитые традиции гостевания и другие формы тесного взаимодействия. Взаимодействие с соседним населением имело здесь те же формы и модели, что и в целом в южных районах Пермского края (Черных 2001: 35–37).

Взаимодействие с татарским населением было характерно и для исходной традиции. Однако характер расселения на исходных территориях в Среднем Поволжье был иным, чем в Прикамье. Русские и татары в этом районе Поволжья проживали дисперсно, русские и татарские деревни чередовались друг с другом, что определяло более интенсивный характер взаимодействия. В русских деревнях обычно нанимали татар-пастухов на летний сезон, в Петров день было принято угощать

пастухов ватрушками с творогом. Работников из соседних татарских деревень нанимали на жатву. В понедельник после Масленицы татары из соседних деревень приходили в русские села за остатками масленичной пищи, которую с началом поста уже запрещалось употреблять православным. В свою очередь, русские были обязательными гостями на татарском Сабантуе, приходили не только посмотреть, но и участвовали в играх, формировали свой круг с плясками и хороводами: «Мы пацаны были, глядели. Хоровод татарский играют, пляшут, хоровод русский пляшут, играют» (Республика Татарстан, с. Косяково). Нередко и состязались в борьбе на майдане: «Когда у них Сабантуй был, ходили. Мужчины наши, которы были в силе, боролись там, ходили, подарки давали им» (Республика Татарстан, с. Косяково).

Анализ межэтнического взаимодействия может стать предметом отдельного исследования, однако и приведенные примеры показывают, что в исходной и переселенческой традициях сложились и функционировали разные модели межэтнических коммуникации и взаимодействия, которые определялись не только традицией, но в большей степени характером расселения и хозяйственным укладом. Сформировавшиеся модели взаимодействия в каждом случае создаются с учетом локальных реалий.

Таким образом, проанализированные в данной статье материалы, как и сравнительные исследования на основе отдельных комплексов традиционной культуры, показывают, что в случае с изучаемой локальной традицией мы сталкиваемся с формированием и функционированием диалектного и этнокультурного острова — русского в русском окружении. Целый комплекс причин привел к формированию и сохранению данного острова: компактность проживания и очерченный ареал расселения, социальный статус и изоляция, историческая память о происхождении, объясняющая особенности группы, диалектные и этнокультурные черты, восприятие «инаковости» соседним русским окружением, что проявилось как в фольклорных нарративах, так и в бытующих здесь коллективных прозвищах.

Развитие и функционирование острова происходило на протяжении более полутора столетий. Следует отметить, что, с одной стороны, исторические, социальные и этнокультурные особенности привели к формированию указанного острова и выстраиванию границ с окружающим сообществом, с другой стороны, именно эти границы способствовали сохранению этнокультурной специфики на протяжении всего периода развития группы.

Сохранение островной традиции, изоляция в русском окружении на протяжении достаточно длительного времени далеко не всегда являются типичным феноменом в похожих обстоятельствах при переселении и миграциях. В Пермском Прикамье немало примеров этнокультурных островов, имеющих схожие механизмы формирования, которые, однако,

не стали устойчивыми и не сохранили четких этнокультурных границ. Например, переселенцы первой половины XIX в., помещичьи крестьяне из Костромской губернии, основавшие несколько деревень в Осинском уезде Пермской губернии, не имели столь существенных диалектных и этнокультурных особенностей, как жители изучаемого острова. Существовавший у них особый социальный статус (помещичьи крестьяне среди государственных) в последующем не привел к формированию островной традиции и этнокультурных и диалектных границ. Переселенцы из Псковской губернии в Оханском уезде начала XX в. по причине дисперсного расселения также достаточно быстро утратили характерную этнокультурную специфику (Черных 2015: 48–59).

Взаимодействие с соседним окружением выстраивалось по нескольким моделям. Наиболее тесные контакты прослеживаются с населением соседних помещичьих деревень, также выходцами из Среднего Поволжья. Два диалектных и этнокультурных острова сближали сходство в социальном статусе и языковая и этнокультурная близость, однако слияния не произошло и они функционировали как две самостоятельные изолированные локальные традиции. Выстраивание этнокультурных границ с соседним русским населением было основано на исторических, социальных и этнокультурных особенностях, однако значительную роль в формировании острова и восприятии его окружающим русским населением играли особенности говора названных деревень. Конфессиональные особенности, разумеется, имели определенное значение в выстраивании границ локальных сообществ, однако не были определяющими. Взаимодействие с иноэтническим окружением в локальной традиции строилось на основе этнических и конфессиональных границ и выстраивалось по модели, в целом характерной для русских южных районов Пермского Прикамья.

В настоящее время, несмотря на существенное сокращение сельского населения в изучаемом районе, этнокультурный остров продолжает сохраняться. Из трех деревень казанских переселенцев сегодня сохранились две — Искильда, в которой, по данным последней переписи 2010 г., проживало 129 человек, и Дубовая Гора с 23 жителями. Для сравнения: в 1926 г. проживало в несуществующей ныне д. Сургуч — 296 жителей, в д. Дубовая Гора — 543 жителя, в д. Искильда — 416 человек (Список 1928: 46). Впрочем, несмотря на утрату многих комплексов традиционной культуры и сокращение численности населения, среди жителей данных деревень продолжают сохраняться особенности диалекта, более выраженные в речи старшего поколения и менее — среди молодых носителей говора, а также особенности идентичности и выстроенные границы с окружающим населением.

Стоит подчеркнуть, что в настоящее время, при значительно возросшей мобильности населения и широких возможностях коммуникации,

источником информации об истории деревень служат не только исторические предания, но и информация из научных публикаций. Эти сведения размещаются в группах локального сообщества в социальных сетях, объединяющих нынешних жителей изучаемых деревень, а по большей части — тех, кто родился здесь, но живет в другом месте или так или иначе связан с названными поселениями. У жителей появляются возможность и желание посетить историческую родину в Среднем Поволжье, и это обстоятельство также актуализирует историческую информацию. В этом контексте коммуникации в интернет-пространстве способны актуализировать и поддерживать локальные идентичности. В то же время сохранение особенностей говора и этнокультурных особенностей возможно только при сохранении территориальных локальных сообществ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор-бук, 2007. 239 с.

Белоруссова С. Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. 272 с.

Головнёв А. В. «Здорово живите»: беседы со староверами-часовенными // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 47–59.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.

Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Головнёв А. В. Уральские этнодиалоги // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 4–16.

Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 40–49.

Головнёв А. В., Зевако Ю. В. Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 149–151.

Гусев В. Деревня Дубовая Гора Аряжской волости Осинского уезда // Сборник Пермского земства. Пермь, 1888. С. 355–357, 379–381.

Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (этнографический и историко-культурный очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / Отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 1994. С. 59–104.

Истомин К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17–25.

Киссер Т. С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 372 с.
Козлова Н. К. «Вятские — ребята хватские...» (Прииртышские фольклорные тексты о «вятских») // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 50–66.

Лебедева О. А. Традиции и повседневный быт жителей села Биянка, потомков калужских переселенцев // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В. П. Бирюкова. Челябинск: Абрис, 2013. С. 265–276.

Минёнок Е. В. Уем // Традиционная культура. 2012. № 2 (46). С. 76–83.

Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А. В. Черных (отв. ред.), Г. Н. Мехнецова, А. А. Мехнецов, О. С. Сивков, И. И. Русинова, М. Е. Суханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб: Изд-во «Маматов», 2021. 188 с.

Подюков И. А., Черных А. В., Копытов Н. И. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. III (РА–ЯТЬ) / Ред. И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. 502 с.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 150 с.

Толкачева С. В. Фольклор русских переселенцев в контексте местной традиционной культуры: феномен свадебного обряда села Арзамасцево Удмуртской Республики // Научный диалог. 2017. № 10. С. 188–199.

Черных А. В. Русские «острова» в русском окружении: модели локальных традиций Пермского Прикамья // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 48–59.

Черных А. В. Старообрядцы Пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 125–132.

Черных А. В. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения: материалы научной конференции. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. С. 133–158.

Черных А. В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие // Живая старина. 2001. № 2. С. 35–37.

Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в южном Прикамье в XVI — первой четверти XX в. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М.: Старый сад, 1998. С. 39–113.

Черных А. В. Традиционная культура русских в пространстве и времени: опыт сравнительного сопоставления исходной и переселенческой традиций (календарные праздники и обряды весеннего цикла) // Этнография. 2022. № 4. С. 131–150.

Юровская О. Л. Духовные стихи горнозаводских районов Челябинской области: стабильные и мобильные характеристики (на примере традиции калужских переселенцев) // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2019. № 3 (5). С. 77–84.

REFERENCES

- Adaev V. N. *Tradicionnaya ekologicheskaya kul'tura hantov i nencev* [Traditional ecological culture of the Khanty and Nenets.]. Tyumen': Vektor-buk Publ., 2007. (In Russian).
- Belorussova S. Yu. *Nagajbaki: dinamika etnichnosti* [Nagaybaks: Dynamics of Ethnicity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2019. (In Russian).
- Chernykh A. V. [Ethnic composition of population and the settlement specificity in Southern Prikamye in the 16 — the first quarter of the 20 century]. *Etnicheskie problemy regionov Rossii: Permskaya oblast* [Ethnic problems of the regions of Russia: Perm Oblast]. Moscow, 1998, pp. 39–113. (In Russian).
- Chernykh A. V. [Russian “islands” in Russian environment: models of local traditions of Perm Prikamye]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2015, no. 2, pp. 48–59. (In Russian).
- Chernykh A. V. [Russians and Tatars of Prikamye: interethnic relations]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2001, no. 2, pp. 35–37. (In Russian).
- Chernykh A. V. [The Old Believers of Prikamye: the experience of inter-confessional relations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2015, no. 2 (47), pp. 125–132. (In Russian).
- Chernykh A. V. [Traditional Russian culture in space and time: the experience of relative comparison between the original and migration traditions (calendar holidays and rituals of spring cycle)]. *Etnografia* [Etnografia], 2022, no. 4, pp. 131–150. (In Russian).
- Chernykh A. V. [The Old Believers of southern regions of Perm Oblast in the context of ethno-cultural history]. *Starobriadcheskiy mir Volgo-Kamiya. Problemy kompleksnogo izucheniya: materialy nauchnoi konferentsii* [The Old Believers' world of the Volga and Kama Region. The problems of a complex study: The materials of the scientific conference]. Perm, 2001, pp. 133–158. (In Russian).
- Goleva T. G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the worldview of the Komi-Permyaks]. St. Petersburg: Izd-vo «Mamatov» Publ., 2011. (In Russian).
- Golovnev A. V. [“Live well”: dialogues with the Old Believers]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2007, no. 17, pp. 47–59. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Close-up in anthropology]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2010, no. 4 (29), pp. 14–20. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Ethnicity and identity in the Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2011, no. 2 (31), pp. 40–49. (In Russian).
- Golovnev A. V. [The drift of ethnicity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2009, no. 4 (25), pp. 46–55. (In Russian).
- Golovnev A. V. [Ural ethnic dialogues]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2013, no. 2 (39), pp. 4–16. (In Russian).
- Golovnev A. V. *Govoriaschie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: the traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 1995. (In Russian).
- Golovnev A. V., Zevako Y. V. [Russians and Tatars of the Middle Urals: the experience of the local study of identity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2008, no. 4 (21), pp. 149–151. (In Russian).

Istomin K. V. [Nomadic mobility of the komi-izhem herders: snowmobile revolution and market restoration]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2015, no. 2 (47), pp. 17–25. (In Russian).

Kisser T. S. *Nemtsy Urala: etnoistoria i identichnost'* [Ural Germans: ethnic history and identity]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2019. (In Russian).

Kozlova N. K. [The brave young men of Vyatka region. (Irtysh Land folklore texts about the “Vyatskie”).]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian philological journal], 2021, no. 2, pp. 50–66. (In Russian).

Lebedeva O. A. [Traditions and everyday life of the village Biyanka, the descendants of migrants from Kaluga]. *20 Ural'skie Birukovskie chteniya. Kraevedcheskie poiski i nahodki. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviyaschennoi 125-letiu so dnya rozhdeniya V. P. Birukova* [Ural Biryukov's readings. Local history studies and discoveries. Materials of the All-Russian scientific and practical conference devoted to the 125 anniversary of V. P. Biryukov]. Chelyabinsk: Abris Publ., 2013, pp. 265–276. (In Russian).

Minenok E. V. [Ukrainian village Batama in Eastern Siberia and its “metropolis”: the experience of comparative characteristics of song repertoires]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2012, no. 2 (46), pp. 76–83. (In Russian).

Perevalova E. V. *Obskie ugry i nency Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2019. (In Russian).

Pesennaya traditsia derevni Suyrka Kuedinskogo raiona Permskogo kraia: svadebnyi fol'klor [Singing tradition of the village Suyrka of Kuyedinsky District of Perm Krai: wedding folklore]. St. Petersburg, 2021. (In Russian).

Tolkacheva S. V. [Folklore of Russian settlements in the context of local traditional culture: the phenomenon of the wedding rite of the village Arzamastsevo of the Udmurt republic]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2017, no. 10, pp. 188–199. (In Russian).

Yurovskaya O. L. [Spiritual poems of mining regions of Chelyabinsk Oblast: stable and mobile characteristics (on the example of traditions of Kaluga migrants)]. *Vestnik Saratovskoi konservatorii. Voprosy iskusstvoznania* [The Bulletin of Saratov Conservatory. The Issues of Art Studies], 2019, no. 3 (5), pp. 77–84. (In Russian).

Submitted: 30.12.2022

Accepted: 15.01.2023

Article published: 01.04.2023